

Говард Филлипс Лавкрафт

Изгнанник

(The Outsider)

Несчастлив тот, кому воспоминания детства приносят лишь страх и печаль. Несчастлив тот, кто одинокими часами оглядывается в прошлое во мрачных, огромных покоях с коричневыми драпировками и сводящими с ума рядами старинных книг, либо во внушающих благоговейный страх сумеречных рощах с гротескными, громадными, загроможденными лозами деревьями, молчаливо колышущими перекрученными ветвями далеко наверху, несет бесконечную вахту. Боги! много же вы дали мне - мне, ошеломленному, разочарованному, бесплодному, сломленному. И, однако, я доволен, - отчаянно цепляюсь за те увядшие воспоминаниям, когда разум внезапно собирается покинуть меня.

Не знаю я, где родился, знаю - замок этот бесконечно стар и бесконечно ужасен,.. темные проходы, высокие потолки - лишь паутину да тени найдет в них глаз. Разрушающиеся коридоры, казалось, в них камни всегда отвратительно сыры и в них всегда стоял этот проклятый запах мертвецов, накопленных умершими поколениями. Никогда здесь не было света; так что я, иногда, зажигал свечу и пристально вглядывался в пламя; в окна не проникало солнце - ужасные деревья простирались над верхушками доступных башен. Лишь одна, черная башня, возносилась над деревьями в неизвестное небо, но была она частично разрушена и нельзя было подняться на нее, разве что, карабкаясь по отвесной стене, камень за камнем.

Я, должно быть, обитал годами в этом замке, но нечем мне измерить время. Кто-то, верно, заботился о моих нуждах, однако я не мог припомнить еще какую-нибудь особу кроме моей собственной, или кого-нибудь еще живого, исключая бесшумных крыс, летучих мышей да пауков. Я думаю, что кто бы ни ухаживал за мной, был он потрясюще стар, - ибо первое мое представление о живом существе: что-то высмеивающее меня, искаженное, съезженное и распадающееся, подобно замку. По мне нет ничего нелепого в костях и скелетах, усыпавших каменные склепы глубоко внизу, я причудливо считал их обыденными и намного более естественными, чем цветные иллюстрации живых существ, обнаруженные в заплесневелых книгах. Из книг я и узнал все. Не было учителей понуждавших, либо же наставлявших меня, - я не помню звука человеческого голоса - даже собственного; ибо хоть я и мог говорить, но никогда и не пытался говорить вслух. В замке отсутствовали зеркала, и моя внешность оставалась загадкой; но по инстинкту я считал себя схожим с юными фигурами изображенными в книгах. Я ощущал себя юным, ведь помнил столь мало.

Снаружи, за вонючим рвом, под темными немymi деревьями, я часто лежал и мечтал часами о прочитанном в книгах, страстно желая оказаться среди парней толпящихся в солнечном мире за бесконечным лесом. Однажды я пытался сбежать из леса, но тени сгустились над моей головой, воздух заполнился тяготящим страхом и я испуганно помчался обратно, боясь потерять дорогу в лабиринте ночной тишины.

Так в бесконечных сумерках я мечтал и ждал, только не знал я, чего жду. Однажды, в темном одиночестве, мое сумрачное существование стало столь ужасно, что не мог я более оставаться в покое, тогда протянул я умоляюще руки к черной разрушенной башне, единой, что возносилась над лесом в неизвестное небо. Я решился: подняться на башню,.. конечно, я мог и сорваться - но уж лучше теперь увидеть на миг небо и погибнуть, чем жить даже мельком не наблюдая дня.

В сырых сумерках я взбирался по изношенным и старым ступеням, пока те не оборвались, и после, только ненадежные выступы служили мне опорой. Страшен и ужасен оказался тот мертвый, лишенный ступеней каменный цилиндр: черный, разрушенный и опустошенный, зловещий, с удивленными летучими мышами, чьи крылья не создавали шума. Только много страшнее и ужасней неторопливость моего продвижения: я уже забрался столь высоко, как мог, но тьма над головой не становилась тоньше. Я вообразил, что ночь внезапно окружила меня, и тщетно нащупывал свободной рукой оконную амбразуру, в которую мог бы выглянуть наружу, пытаюсь судить о высоте, что уже достиг.

Внезапно, после бесконечного страха, слепоты, карабканья вверх по вогнутой и отчаянной пропасти, я почувствовал, что голова коснулась твердой поверхности, - я понял, что должно быть, достиг крыши, или, по крайней мере, некоторого подобия пола. Во тьме я поднял свободную руку, ощупал каменный, неподвижный барьер. Я цепляться за все, что слизистые стены могли дать, пока не нашел, что барьер поддается, тогда я стал толкать плиту либо дверь над своей головой, обеими руками. И хотя мои руки продвигались вверх, свет не появился, - мой подъем подошел к бессмысленному завершению, - плита оказалась люком на ровную каменную поверхность большего диаметра, чем основание башни. Не заботясь, достаточно ли высок этаж и есть ли на нем наблюдательное помещение я прополз вовнутрь и попытался помешать тяжелой плите упасть обратно, но не преуспел в этой попытке. Я рухнул истощенный на каменный пол под сверхъестественное эхо падающей плиты, надеясь, что сумею, при необходимости, поднять ее вновь.

Полагая, что я теперь на громадной высоте, намного выше проклятых ветвей деревьев, я оторвался от пола, нащупывая руками окно, из которого мог бы выглянуть в первый раз на небо, луну и звезды, о которых я лишь читал. Но, я был разочарован, потому как нашел лишь пустые мраморные полки, поддерживающие отвратительные продолговатые коробки внушительного размера. Вновь и вновь размышлял я, что за покрытый сединой секрет мог пребывать в этом высоком помещении так много веков отрезанный от замка. Неожиданно мои руки наткнулись на дверной проем, в каменном портале с грубыми, странными изваяниями. Я попытался оторвать дверь и обнаружил, что та заперта, но высшим взрывом силы я взломал ее - сквозь витиеватые решетки из железа, за коротким каменным коридором, поднимающемся за недавно найденным входом, светила полная луна, которую ранее видал лишь во снах, но в ее неясном свечении я не осмелился призывать память.

Я решил, что уже достиг вершины замка и помчался по ступеням к двери, но луна внезапно скрылась за облаком - я споткнулся, и стал пробираться в темноте медленней. А когда добрался к решетке, то все еще было слишком темно, - решетку я осторожно обследовал - она

оказалась незапертой, но открывать ее из-за страха падения с поразительной высоты, на которую взобрался, не стал. Тогда луна выглянула.

Наиболее демонично то потрясение, что бездонно неожиданно и гротескно невероятно. Ничто, чему я прежде подвергался, не могло бы сравниться в ужасе с тем, что теперь увидел. Вместо головокружительной перспективы вершин деревьев обозреваемых с величественной высоты, там, на уровне решетки раскинулась твердая земля, с разбросанными по ней мраморными плитами и колоннами, бросающими тень на древнюю каменную церковь, чей разрушенный шпиль призрачно светился в лунном свете.

Теряя сознание, я открыл решетку и был потрясен белой покрытой гравием дорогой, что протягивался в двух направлениях. Мой разум, ошеломленный и ввергнутый в хаос, все еще содержал неистовую жажду света, и даже фантастическое чудо не могло меня остановить. Я даже не знал: я - безумен, сплю, либо зачарован, но решился, пристально смотреть на сверкающую поверхность и веселиться любой ценой. Я не знал: ни кто я, ни что я, либо что могло меня окружать: хотя после того как споткнулся, я стал осознавать некую ужасную скрытую память, сделавшую мое продвижение не полностью случайным. Я прошел под аркой, ступая меж плит и колон, блуждая по открытому пространству: иногда следуя дороге, но, временами оставляя ее, в любопытстве ступая через луга, где только редкие руины указывали на присутствие древней забытой дороги. Однажды, где крошащаяся, мшистая каменная кладка говорила о давно исчезнувшем мосту, я переплыл через резвую речку.

Прошло, вероятно, более двух часов, пока я достиг того, что казалось, является моей целью - почтенный, увитый плющом замок в заросшем парке, безумно знакомый, но в тоже время озадачивающий меня. Я увидел: ров заполнен, некоторые из привычных башен разрушены, и в тоже время, смущая наблюдателя, отстроены новые крылья. И в замке (к моему восхищению) - открытые окна - сверкающие, манящие, из которых разносились звуки веселого кутежа. Подобравшись к одному, я пристально глядел на весьма чудно ряженую компанию, веселящуюся и живо болтающую. Я никогда (кажется) не слышал человеческой речи ранее и мог только смутно догадываться, что они говорят. Некоторые из лиц, мне казалось, наполнены выражением, которое приносило невероятно удаленные воспоминания, эмоции других были чужды мне.

Я вошел в ярко освещенную комнату через низкое окно, пройдя за единый миг от надежды до чернейших конвульсий отчаяния. Призраки появляются быстро, и как только вошел, я немедленно получил тому одно из наиболее ужасающих подтверждений, какое я когда-либо представлял себе - лишь я пересек подоконник, двигаясь к компании, внезапный и неслыханный страх ужасающей интенсивности, исказил каждое лицо, вырвал дикий вопль, практически из каждой глотки. Всеобщее бегство, в криках и панике - некоторые упали в обморок - их утащили прочь обезумевшие приятели. Многие закрыли глаза руками и, погрузившись в слепоту, и так неуклюже метались, переворачивая мебель, натыкаясь на стены, пока не достигали одной из дверей.

Крики шокировали, и так я остался стоять в сверкающем помещении одинокий и ошеломленный, прислушивающийся к исчезающему эху, - я дрожал от мысли,

представляя то, что могло бы проскользнуть мимо меня незамеченным. При небрежном осмотре комната казалась пустой, но, двинувшись к одному из альковов, я ощутил там движение - намек на движение, там, за выходом, под золотой аркой, ведущим в другую, но чем-то схожую комнату. По мере приближения к арке, движение стало более отчетливым, и затем (с первым и последним звуком, что когда-либо произносил - ужасающим громким воем, передернувшим меня почти также мучительно, как была кошмарна вызвавшая его причина) - я замер полный страха, невообразимой, неопишуемой и невыразимой чудовищности, превратившей веселую компанию в стадо иступленных беглецов.

Я не могу намекнуть, на что это было похоже, - смесь - нечистая, жуткая, неприветливая, сверхъестественная и отвратительная. Отвратительная тень распада, древности и разложения; вонючая, капель нечестивых открытий, чудовищную наготу которых милосердная земля должна всегда скрывать. Бог знает, оно не из этого мира - или уже не из этого мира - к моему ужасу я видел в этих изъеденных и обнажающих кости очертаниях, искаженную, отвратительную пародию человеческой фигуры; и замшелая, рассыпающаяся одежда, неопишуемого качества холодила меня еще больше.

Я практически был парализован, но все же сделал тщетную попытку к бегству, которая разбилась чарами безымянного, лишеного голоса монстра. Мои глаза, отказываясь закрываться, зачарованные безжизненными сферами, пристально глядящими на меня с омерзением; хотя в глазах все милосердно размывалось и если они и показывали ужасный предмет, то нечетко. Я попытался поднять руки, загораживая глаза, только нервы мои были слишком ошеломлены и руки не вполне подчинялись мне. Тем не менее, эта попытка нарушила мое равновесие и мне пришлось совершить несколько шагов вперед, избегая падения. Тут я внезапно стал отдавать отчет в близости к тому, чье ужасное пустынное дыхание я мог слышать. На грани безумия, я все еще обнаружил себя способным выбросить вперед руки, предотвращая приближения к нему слишком близко; когда последовал катаклизм, из разряда космических кошмаров и адских катастроф - мои пальцы коснулись отвратительных, протянутых лап монстра под золотой аркой.

Я не завизжал, но жестокие призраки, мчащиеся на ночном ветру, завопили за меня и в ту же секунду мой разум раскололся на одинокие неглубокие потоки аннигилирующей памяти. Я вспомнил в ту секунду все, что было; я вспомнил старый замок и деревья, и узнал изменившееся здание, в котором ныне стоял; я узнал, и это самое ужасное, нечистое создание, что стояло, искоса смотря на меня, поскольку я отдернул свои замаранные пальцы от него.

Но в мире есть не только бальзам горечи, есть также бальзам успокоения. В крайнем ужасе того мгновения я забыл, что испугало меня, и вспышка черной памяти исчезла в хаосе преломляющихся отражений. Я бежал от этого проклятого строения, бежал быстро и молча в лунном свете. Когда я вернулся на церковный двор и спустился по ступеням, то обнаружил камень люка недвижимым; однако я не сожалею - я ненавижу древний замок и деревья. Теперь я мчусь с насмешливыми, дружелюбными призраками на ночном ветре, и реву днем среди катакомб мумий в скрытой и неизвестной долине Надоша у Нила. Я знаю, что свет не для меня, разве что лунный над утесом могилы Неб, не по мне веселые компании, кроме тех, что собираются на безымянном банкете Ниторкиса под Великой Пирамидой; еще в обретенной свободе я почти приветствую горечь чужеродства.

И хотя бальзам забвения охладил меня, знаю, что я изгнанник; чужой в этом веке и среди тех, кто еще люди. Знаю это, с того момента, как я протянул пальцы к чудовищу внутри той огромной позолоченной рамы; протянул пальцы и коснулся холодной и неподатливой поверхности полированного стекла.

Перевод: Thrary

1996 год